

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЫТ

DOI 10.37386/2305-4077-2022-2-117-137

А.В. Геворкян¹

Институт мировой литературы им. А. М. Горького

М.В. Строганов²

Институт мировой литературы им. А. М. Горького

П.И. ВЕЙНБЕРГ И «РУССКОЕ БОГАТСТВО» О ФОРМИРОВАНИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ РЕПУТАЦИЙ

Формирование литературных репутаций не всегда зависит от личных достоинств и заслуг их носителей. Например, все члены редакции журнала «Русское богатство» и прежде всего его руководитель Н.К. Михайловский имели безупречную и высокую нравственную репутацию. Точно так же П. И. Вейнберг имел очень высокую репутацию честного, беспристрастного защитника деятелей литературы и искусства. Вследствие этого коллеги-литераторы постоянно избирали Вейнберг и членов редакции «Русского богатства» на руководящие посты в Союзе взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе и Литературном фонде, приглашали их быть арбитрами в «домашних» конфликтах и разбирательствах. Между тем известны случаи, когда по причинам не вполне добросовестной полемики тот же Михайловский допускал ошибки и промахи, за что ему приходилось потом приносить извинения (конфликт с В.Я. Богучарским). А Вейнберг, как известно, отличался недобросовестностью в финансовых расчётах с авторами (Ф.М. Решетников, А. А. Фет, А. Н. Островский). Получалось так, что современники не замечали определённых промахов своих литературных собратьев и не ставили эти промахи им в вину. Однако в 1861 г. М. Л. Михайлов обвинил Вейнберга в публичном оскорблении одной поборницы женского равноправия Е. Э. Толмачёвой и признал его недостойным литературного сообщества, хотя особой вины за Вейнбергом в данной ситуации не было. В статье также рассматриваются два стихотворения Вейнберга, помеченные им 1902 г., когда Михайловскому исполнилось 60 лет. Первое из этих стихотворений было опубликовано в сборнике «На славном посту» (1900, реальный выпуск в 1901); второе никогда не публиковалось и печатается впервые.

Ключевые слова: литературная репутация, журнал «Русское богатство», Н.К. Михайловский, П. И. Вейнберг, Союз взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе, Литературный фонд.

¹ Армен Варужанович Геворкян – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия).

² Михаил Викторович Строганов – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия).

A.V. Gevorgyan

Gorky Institute of World Literature

M. V. Stroganov

Gorky Institute of World Literature

P.I. WEINBERG AND «RUSSIAN WEALTH» ON THE FORMATION OF LITERARY REPUTATIONS

The formation of literary reputations does not always depend on the personal virtues and merits of their bearers. For example, all members of the editorial board of the magazine *Russkoe Bogatstvo* («Russian Wealth») and, above all, its head N.K. Mikhailovsky had an impeccable and high moral reputation. Similarly, P.I. Weinberg had a very high reputation as an honest, impartial defender of literary and artistic figures. Russian writers have consistently elected Weinberg and members of the editorial board of *Russian Wealth* to leadership positions in the Union of Mutual Assistance of Russian Writers at the Russian Literary Society and Literary Fund, invited them to arbitrate «domestic» conflicts and proceedings. Meanwhile, there are cases when, for reasons of not entirely conscientious polemics, the same Mikhailovsky made mistakes and blunders, for which he later had to apologize (conflict with V. Ya. Bogucharsky). And Weinberg, as is known, was distinguished by bad faith in financial settlements with the authors (F.M. Reshetnikov, A.A. Fet, A.N. Ostrovsky). It turned out that contemporaries did not notice certain blunders of their literary brethren and did not blame them for these blunders. However, in 1861 M.L. Mikhailov accused Weinberg of publicly insulting one champion of women's equality, E.E. Tolmacheva, and recognized him as unworthy of the literary community, although there was no special blame for Weinberg in this situation. The article also examines two poems by Weinberg, marked by him in 1902, when Mikhailovsky was 60 years old. The first of these poems was published in the collection «At the Glorious Post» (1900, the real issue in 1901); the second has never been published and is being printed for the first time.

Keywords: Literary reputation, the magazine «Russian Wealth», N.K. Mikhailovsky, P.I. Weinberg, the Union of Mutual Assistance of Russian Writers at the Russian Literary Society, Literary Fund.

1. Два стихотворных посвящения Н. М. Михайловскому

Журнал «Русское богатство» в постнароднический период своего существования отличался строгими моральными правилами, хотя даже блюстителю литературной нравственности Н. К. Михайловскому случалось совершать опрометчивые шаги. Так, например, в ноябре 1900 г. Михайловский несправедливо обвинил В. Я. Богучарского в искажении слов Г. И. Успенского. И хотя уже в январе 1901 г. он принес публичные извинения в своей неточности (довольно изворотливые, однако), но В. В. Вересаев на этом основании отказался от публикации «Записок врача» в «Русском богатстве». Столь же опрометчивой и в известной мере грубой была длительная перепалка Михайловского с М. М. Филипповым, закончившаяся только со смертью последнего, о которой, видимо, Михайловский искренне сожалел (см. об этом: [Литературное наследство. Т. 107, 2022], в печати). Между тем литературная среда и общество как будто бы и не замечали все эти конфликты или не придавали им должного значения. Ни эти конфликты, ни диктаторские замашки Михайловского не колебали высокой

нравственной репутации самого журнала и его сотрудников, которым современники полностью доверяли, избирая их в руководящие органы и членами суда чести в Союзе взаимопомощи русских писателей при Русском литературном обществе и в негласных судах «домашнего» свойства. Об одном из таких «домашних» судов – в редакции журнала «Мир Божий» между М. К. Куприной и А. И. Богдановичем см.: [Строганов, 2020, с. 62–103].

То же самое можно сказать и о П. И. Вейнберге, который был поэтом и переводчиком средней руки, но исключительно активным общественником в литературной среде. За ним, как и за Н. К. Михайловским, числился «безобразный поступок “Века”», но вскоре, однако, демократическая печать с необычной для нее легкостью отпустила Вейнбергу этот грех, что, впрочем, и неудивительно, поскольку подобного рода инциденты были вполне в литературных нравах того времени. Гораздо интереснее другое: современники прошли мимо и как бы даже не заметили нарушения Вейнбергом правил деликатности и педантичности в расчетах с авторами, которые он допускал в качестве издателя.

Вот первое свидетельство – Ф. М. Решетникова, который писал в дневнике:

В «Будильнике» между тем захрясли мои статьи «Глухие места» и «Белуга», которые В<ейнберг> хотел печатать в первом же номере. <...> Вейнберга в интендантстве, где он служит столон<ачальником> и куда хотел определить меня, потому что он в родне с Устряловым, я не застал и отправился к Вас. Курочкину, которого вместе с прочими литераторами около этого времени выпустили. Там я застал Вейнберга. Он сказал, что «Белугу» и второе письмо «Город в с<адах>» – о мировом судье – цензор перечеркнул, так что нельзя печатать, а «Глух<ие> места» он пустит в следу<ющий> номер (6 мая 1866);

За «Глухие места» я получил деньги, а «Белугу» и петергоф<ского> мирового судью просил В<ейнберга> передать в «Искру», но прошел месяц – и они не переданы. Теперь В<ейнберг> обещался напечатать «Ильин день» и обещался уже три недели, наконец известил мне через писаря, что эта статья сошла с очереди (?). <...>

Я несколько раз просил В<ейнберга> уведомить меня о статьях и об издании соч<инений>, но он и не думает отвечать, а желает, чтобы я сам приехал в интендантство, где я должен буду унижаться перед сторожами (до 5 августа 1866);

В «Будильнике» важности еще больше. Там даже Вейнберг стал считать сотрудников за подчиненных себе. Это значит, что он уже накопил 5 т<ысяч> и думает открыть свой журнал. По приезде из Петергофа я два раза был у него и не заставал дома в такое время, когда он дома. Этот человек удирал со мною такого рода штуки: скажет – статья у цензора; через две недели скажет: послана к цензору; через неделю скажет: я читал корректуру, надо изменить, потому цензор не пропустит. Обругать его – хуже; придется ждать полгода, потому что ни на квартиру, ни в интендантство, где он служит столон<ачальником>, не пустят; письма редакторы не пишут сотрудникам, а если встретишь его где-нибудь – наврет (5 августа 1866);

Написал Вейнбергу и вот уже две недели жду ответа (29 ноября 1866) [Решетников, 1932, с. 182, 183, 185, 189].

Следующее свидетельство на ту же тему принадлежит по хронологии А. А. Фету в связи с публикацией Вейнбергом фетовского перевода поэмы Гете «Герман и Доротея»:

Сию минуту от Петра Исаевича Вейнберга я получил просьбу: уступить в его издание *Гете* мой перевод «*Германа и Доротеи*». Я пишу ему, что исправленный перевод этот в последнем издании моих стихотворений *1860 года*. И что я согласен уступить ему право перепечатки специально для его издания *Гете* за *сто пятьдесят* рублей.

Во избежание недоразумений и пересылок я просил его, в случае согласия на мое условие, передать тебе эти деньги, а меня только уведомить. Следовательно, сущность моей к тебе просьбы заключается в одном: не откажи принять от Вейнберга 150 р. сереб. и при случае сообщи об них Дмитрию Петровичу (письмо к В. П. Боткину от 6 февраля 1867);

Не знаю, являлся ли к тебе Вейнберг, который-таки выпросил у меня Германа и Доротею за 50 р. (письмо к нему же; 24 марта – 2 апреля 1867);

Не слыхал ли о судьбе переводов *Гете* изд<ания> Вейнберга. Он выпросил у меня «Герм<ана> и Доротею», а денег не заплатил. Может быть, еще не печатал? (письмо Фета к Я. П. Полонскому; 22 сентября 1867) [Литературное наследство. Т. 103, кн. 1, 2008, с. 474, 484, 609].

Третьим свидетелем является А. Н. Островский, которому Вейнберг должен был 200 рублей за перевод интермедии Сервантеса «Бдительный страж», напечатанный в журнале «Изящная литература» (1884, № 4):

Вейнберг прячется, но я его разыщу (письмо к жене; 7 марта 1884);

Вейнберг обещал принести деньги, да опять скрывается; но я его настигну (ей же; 15 марта 1884);

Вчера видел Вейнберга; он обещал принести деньги и 500 отписок моих переводов Сервантеса.

Должно быть надует (13 ноября 1885) [Литературное наследство. Т. 88, кн. 1, 1974, с. 171, 174, 188].

Но не взирая на то, что Вейнберг мог надуть и прятался от долгов, репутация его была в глазах литературной братии абсолютно безупречной, и он был его председателем со дня основания Союза взаимопомощи русских писателей в 1897 г. и до закрытия за поддержку студенческой демонстрации у Казанского собора в 1901 г. А фактически сразу после закрытия Союза Вейнберг был избран на двухлетний срок председателем Литературного фонда (Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным, 2.02.1902–2.02.1904).

Михайловский в Союзе взаимопомощи русских писателей был товарищем председателя; другие члены редакции «Русского богатства» исполняли в Союзе обязанности секретаря (В. А. Мякотин), казначея (Н. Ф. Анненский), членов суда чести (В. Г. Короленко и Анненский), 2-го председателя юридической комиссии (Короленко), члена этой комиссии (С. Н. Южаков). На всех ключевых постах стояло «Русское богатство».

При некотором сходстве между репутацией Вейнберга и редакторов «Русского богатства» было и важнейшее различие. Репутация Вейнберга, в отличие от большинства сотрудников «Русского богатства», поддерживалась не полити-

ческой, а гражданской позицией. Анненский, Мякотин, А. В. Пешехонов были организаторами партии народных социалистов. П. Ф. Якубович и А. И. Иванчин-Писарев были народниками, потом эсерами. Михайловский также принимал участие в подпольной народнической периодике. Даже участие Короленко в политических процессах, в помощи голодающим, в борьбе с антисемитизмом приобрело политической характер. Все они – участвовали.

Вейнберг – не участвовал, он только свидетельствовал. Как известно, при разгоне полицией 19 февраля 1901 г. студенческой демонстрации около Казанского собора Н. Ф. Анненский пытался остановить применение силы полицией, в результате чего и сам получил травму, а вскоре был арестован. А. Н. Анненская сообщала об этих событиях Короленко, который переписал это письмо в свой дневник 7 марта 1901 г. под названием «Частные сведения о беспорядках в Петербурге». В конце своего письма А. Н. Анненкова указала:

Писатели, бывшие свидетелями происходившего или видевшие пострадавших, собрались в тот же вечер и составили протест против случившегося за подписью 40 человек. Попытка напечатать протест в газетах, конечно, не удалась, но они намерены придать ему широкое распространение...

Далее Короленко от себя добавляет:

Среди подписей являются имена: П. И. Вейнберга, Мамина-Сибиряка, Летковой-Султановой, – людей, нимало не причастных до сих пор к какой бы то ни было «неблагонадежности» [Короленко, 1928, с. 223–225].

В результате Анненский был выслан из Петербурга и жил в Куоккале (княжество Финляндское), а Вейнберг от имени Литературного фонда усиленно хлопотал о возвращении его в Петербург и к журнальной работе, о чем свидетельствуют письма Иванчина-Писарева к Михайловскому от 4 и 8 июня 1902 г.,³ а также письмо Анненского к Короленко от 11 июня 1902 г.⁴ Информирова Михайловского о результатах этой освободительной компании, Иванчин-Писарев сообщал Михайловскому 14 июня 1902 г.:

Дорогой мой Николай Константинович, я хотел порадовать Вас известием об освобождении Н<иколая> Ф<едоровича> и послал телеграмму: «Просьба Вейнберга исполнена». В формуляр старика нужно занести и этот факт заботливости о Н<иколае> Ф<едоровиче>, которая дошла до того, что П<етр> И<саевич> пренебрег своей болезнью, опять проявившейся кровотечением, чтобы только узнать в прошлый понедельник об окончательном решении министра внутренних дел... Счастлив был председатель Лит<ературного> фонда в этот день, счастлив Н<иколай> Ф<едорович>, остроумие которого било фонтаном, и счастливы мы, опять получившие дорогого человека⁵.

³ ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 272.

⁴ РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 17. Ед. хр. 48. Л. 31–34 об.

⁵ ИРЛИ. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 272.

«В формуляре» Вейнберга было немало таких фактов: в 1904 г. он вновь хлопотал о возвращении в Петербург из ссылки Анненского⁶, в начале 1905 г. – об освобождении А. В. Пешехонова⁷.

О близости Вейнберга к Михайловскому свидетельствуют его книги с дарственными надписями, которые сохранились в библиотеке Михайловского (описание их опубликовано в указанном выше томе «Литературного наследства», см. прим. 1). Вейнберг время от времени печатался в «Русском богатстве» [см. *Указатель статей, 1911*, с. 5], в 1901 г. к 50-тилетнему юбилею литературной деятельности его в журнале появилась статья П. Ф. Якубовича [*Л. Я.*, 1901, с. 241–245]. Якубович же написал некролог Вейнберга, в котором отразилось мнение редакции о феномене Вейнберга. Упомянув в начале «старые грехи» Вейнберга, он писал:

Не затем, конечно, я вспомнил это, чтобы ворошить старые грехи и посылать дорогому и мне покойнику запоздалые упреки, – нет! Я хочу только указать, что над образом Вейнберга былых времен, – нелюбимым и, во всяком случае, безразличным для общества, – в позднейшие десятилетия, как-то незаметно для друзей и врагов, незаметно, может быть, и для самого человека, сложился другой духовный облик – того старенького, милого Петра Исаевича, которого мы все знали и любили.

Да я думаю, превращение это произошло незаметно для него самого. Он видел, как быстро, неуклонно и беспощадно редеем круг тех бойцов без страха и упрека, ветеранов родной литературы, что целые десятилетия отважно и бодро стояли «на славном посту», защищая ее жизнь и честь; он видел, как всё гуще сдвигается над нею ночь политической реакции, в то время как из глубины народной жизни уже доносятся раскаты отдаленного грома... То зрела давно желанная буря протеста и возмущения, сулившая, однако, не только возрождение родины, но и ряд новых жестоких ударов и испытаний... И П<стр> И<саевич> естественно всё больше и больше проникался мыслью, что он, старейший по летам литератор, близко знавший Некрасова, Григоровича, Салтыкова, Тургенева и Достоевского, является в эту трудную историческую годину как бы призванным опекуном и ходоцем родной литературы и ее интересов. Собраться по перу безмолвно призвали за ним это право и единодушно избрали сначала председателем Союза писателей, а затем – после славной гибели Союза – и председателем комитета Литературного фонда.

И нужно сознаться, не особенно легко было выполнение этой почетной и ответственной роли человеку закала Вейнберга. Горячо и детски трогательно любя литературу, стремясь всячески послужить ей и принести посильные жертвы, он, проживший молодость в атмосфере мрака и трепета крепостной эпохи, был органически неспособен стоять перед врагом с открытым забралом, с гордым взглядом борца, глубоко и смело сознающего свое нравственное превосходство; он был из тех «героев-рабов», о которых так красноречиво говорит Елисеев в своей известной защите Некрасова, – и люди нового типа и склада, имея в виду, главным образом, достоинство литературы, не раз могли и должны были находить промахи в этого рода деятельности П<стра> И<саевича>...

⁶ См. письмо Н. Ф. Анненского к В. Г. Короленко от 1 сентября 1904 г. из Ревеля: РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 17. Ед. хр. 51. Л. 30–31 об.

⁷ См. письмо Н. Ф. Анненского к В. Г. Короленко от 8 февраля 1905 г. из Петербурга: РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 17. Ед. хр. 52. Л. 12 об.

Но он делал всё, что мог и как мог.

Обычный удел людей – с возрастом стараться отмежевать себе спокойный уголок жизни, подальше от общественных бурь и треволнений, становиться всё умереннее и осторожнее, и лишь немногие превращаются в борцов именно под старость. П<стр> И<саевич> был одним из таких счастливицев. С годами он становился всё смелее и радикальнее в своих политических взглядах. Его «Письмо» (известное стихотворение) долгое время не пропускалось цензурой... Среди тех имеющих власть звездноносцев, с которыми поэт, – сам «гражданский генерал» по службе, – имел право, по старой памяти, стоять на равной ноге, его не раз – полшутя, конечно, – упрекали в том, что он стал революционером; в «сферах» на него иногда косились и, в лучшем случае, считали и называли «чудаком»... Это смешно, разумеется: никогда не стоял Вейнберг и не мог стоять сколько-нибудь «левее кадетов» или, пожалуй даже, «левых октябристов» (употребляя новейшую терминологию), хотя ни в какую партию он официально не вступал, предпочитая оставаться вольным партизаном. Но в «освободительном движении» и он принимал посильное участие: он подписался под известным протестом 44 литераторов в 1901 году (по поводу избиения полицией студентов во время демонстрации на Казанской площади), позже он дал свое имя в качестве ответственного редактора «Библиотеки освободительной борьбы»; он вообще не раз за последние годы ставил на карту свою долголетнюю «благонамеренную» репутацию...

И объяснять это тем, что человек сознательно искал популярности, что, сохраняя связь с «старым миром», он заботился о добром имени в потомстве, было бы обидной несправедливостью, глубокой ошибкой. При всём своем умении и привычке вести дипломатию в «сферах», в родной сердцу литературной среде П. И. Вейнберг был человеком абсолютно искренним, никогда не скрывавшим своих задушевных мыслей, хотя бы они и шли вразрез с общим мнением. Кто не помнит, напр., как горячо и резко отстаивал он, не встречая кругом сочувствия, идею вечной литературной собственности? Или как на вечерах Литературного фонда, устройтелем и распорядителем которых он всегда был, в грубоватой подчас форме ссорился с молодежью?..

Широко известна та роль П<стра> И<саевича>, которою он снискал себе наибольшие симпатии и любовь современников: он был в последние годы общепризнанным адвокатом и заступником политических ссыльных и заключенных, особенно тех из них, кто имел хоть случайное, хоть слабое прикосновение к литературе, напечатал где-нибудь стишок, поместил статейку... Тогда уж П<стра> И<саевич>, не колеблясь, брал опального юношу под свое крыло и без усталости, без конца хлопотал до тех пор, пока оставалась хоть тень надежды на облегчение его участи. Слабого, почти восьмидесятилетнего старика, часто больного, похожего на живой труп, его поднимали с постели, отрывали от любимого дела – и он садился писать письма, составлять телеграммы, ехал лично на край города, пуская в ход свои «связи», старые знакомства и старую благонадежную репутацию, ожидая по часам в генеральских приемных, кланяясь и ведя дипломатическую игру, – и сколько мне лично известно примеров, когда хлопоты Петра Исаевича, – нередко, конечно, и бесплодные, – увенчивались блестящим успехом! Немало рассказали бы об этом и петербургские тюрьмы, и тундры Архангельской губернии, и сибирская тайга... [Якубович, 1908, с. 204–207].

Сопоставляя Вейнберга с теми литераторами, которые всегда стояли «на славном посту» литературы, Якубович прямо указывает на Михайловского, юбилейный сборник к 40-летию литературной деятельности которого назывался именно этими словами. С одной стороны, это, конечно, справедливо: как мы уже сказали, Михайловский и все члены редакции «Русского богатства» так или иначе были участниками политической жизни страны. Но, с другой стороны, все они на своем «славном посту» никогда не были такими горячими «опекунами и ходатаями родной литературы и ее интересов», каким был Вейнберг.

Говоря о сборнике «На славном посту», название которого придумал сам Якубович и самым активным составителем которого был тоже он, Якубович естественно вспоминал, что Вейнберг опубликовал в нем стихотворение «Н. К. Михайловскому»:

Когда среди недвижности унылой,
Среди тупой покорности судьбе
По временам несется с гордой силой
Призывный клич к бестрепетной борьбе;
Когда на всё, что зло, нелепо, лживо,
То здесь, то там встает рука бойца,
Свидетелем, что в человеке живо
Еще добро, что есть еще сердца,
Что есть умы, в которых мощно, стройно
Бьют светлых чувств и мыслей родники,
Тогда во тьму грядущего спокойно,
С отрадою глядим мы, старики,
И сходим в гроб с блаженным упованьем,
Что рано ли иль поздно, но придет
Победный день – и сокрушится гнет
Враждебных сил, и ум в союзе с знаньем
Властительно светильник свой зажжет.
Пусть эта мысль лишь греза золотая;
Но только с ней, нося ее в себе,
Возможно жить и, ею дух питая,
Не изнемочь в страданиях и борьбе. [Вейнберг, 1900, с. 230.]

Это пафосное стихотворение, написанное декламационным стихом [Эйхенбаум, 1922], в духе риторически построенных монологов Чацкого, весьма характерно для позднего Вейнберга. В сборнике его стихов оно датировано 15 ноября 1902 г., днем 60-летия Михайловского [Вейнберг, 1902, с. 104–105, с разделением на строфы и датой 15 ноября 1902 г.], однако это не верно. Цензурное разрешение сборника «На славном посту» – 20 октября 1900 г., и хотя фактически он был задержан цензурой до апреля 1901 г., но всё равно это далеко от времени создания стихотворения. Получается, что Вейнберг как бы переадресовал стихотворение с 40-летнего юбилея литературной деятельности на 60-летний юбилей жизни Михайловского. Но уже точно 15 ноября 1902 г. помечен автограф неопубликованного стихотворения Вейнберга на то же самое событие:

Николай Константиныч! Опять
 Собрались мы вас поздравлять,
 Съединившись в свободе и братстве
 Вкруг властителя в «Русском богатстве».
 И кричим мы: «Ура, Николай!»
 А судьбе говорим: «Посылай
 Михайловскому многие лета
 В утешенье российского света,
 Наложив навсегда остракизм
 На его плечевой ревматизм,
 Пусть всё то, что лишь пахнет недугом,
 От него убегает с испугом,
 Пусть пред ним преклоняются ниц
 Легионы и жен, и девиц
 (Как бывало и в прежние годы),
 Пусть в кармане и в сердце невзгоды
 Не находят приюта себе;
 Пусть подписчики в дружной гурьбе
 Притекают в контору журнала,
 Пусть избавится бич Ювенала
 Навсегда от бичей цензоров!
 Будь же долго и жив, и здоров,
 Не клонись перед бешенством бури,
 Вместе с нами жди светлой лазури;
 Рано ль, поздно ль – придет к нам она;
 Не затопит нас вражья волна,
 Не сожрет нас с тобой Змей Горыныч,
 Не робей, Николай Константиныч⁸.

Это второе стихотворение повторяет практически все те же мысли и положения, которые мы находим и в напечатанном «официальном» стихотворении. Содержательно второе стихотворение в качестве домашнего, не публичного, не застегнутого на все пуговицы выглядит гораздо живее первого, в котором всё точно, но сухо и чопорно. Существенным тематическим отличием второго стихотворения является указание на успех Михайловского в женском обществе и на властительное положение Михайловского в своем журнале. Однако при всех различиях оба стихотворения объединяются почтительным отношением к Михайловскому как вождю и лидеру общественного движения. Вейнберг был на одиннадцать лет старше Михайловского, но пишет он свои стихотворения как бы снизу вверх, заглядывая в глаза старшему товарищу. Эта ситуация вступает, впрочем, в противоречие с тем, как отражены отношения Вейнберга и Михайловского на групповой фотографии сотрудников журнала «Русское богатство» (Санкт-Петербург, 1903. Государственный музей истории русской литературы им. В. И. Даля), на которой среди других лиц изображены сидящие за столом Михайловский и Вейнберг. Большинство людей смотрят в объектив фотографического аппарата, но Михайловский глядит прямо на Вейнберга, заглядывая ему в лицо и интересуясь его мнением. Такого Михайловского мы очень редко видим.

⁸ РГБ. Ф. 578. Карг. 1. Ед. хр. 23.

2. «Вейнберг 60-х годов»

В начале наших заметок мы уже упоминали пресловутый «безобразный поступок “Века”». Поскольку он имеет прямое отношение к литературной репутации Вейнберга, следует вновь обратиться к нему, тем более что общая этическая оценка этого инцидента остается такой же, какой она была во времена М. Л. Михайлова. Вместе с тем с того времени стали известны новые факты, которые не учитываются в литературе. Вначале приведем фрагмент из некролога Вейнберга, написанного Якубовичем, который мы уже цитировали, опустив данный абзац:

Молодежь, горячо любившая покойного поэта, знала его лишь в позднейший период его долгой жизни, в классической роли литературного Мафусаила, искреннего друга и печальника всех несчастных; сложнее было чувство людей более старых поколений, в памяти которых был жив еще и другой Вейнберг, Вейнберг 60-х годов. Как известно, в то время поэт не пользовался популярностью... Недостаток политического такта и опыта толкнул его на некоторые поступки, казавшиеся тогдашнему передовому русскому обществу, недавно лишь проснувшемуся к политической мысли и жизни, чем-то ужасным и непрощаемым: таков был знаменитый фельетон Вейнберга о г-же Толмачевой («безобразный поступок Века»), таково было его сотрудничество в «Северной почте», тогдашней «России», или лекторство в Варшавском университете, которого, по понятным причинам, сторонились лучшие представители профессуры...

Не затем, конечно, я вспомнил это, чтобы ворошить старые грехи и посылать дорогому и мне покойнику запоздалые упреки, – нет! [Якубович, 1908, с. 204].

Мы тоже намерены не упрекать Вейнберга, но разобраться в ситуации.

27 ноября 1860 г. на литературно-музыкальном вечере в пользу воскресной школы в зале Благородного собрания Перми Евгения Эдуардовна Толмачева⁹, жена председателя Пермской казенной палаты статского советника Толмачева, прочитала стихотворение А. С. Пушкина «Египетские ночи» (современное название «Клеопатра»), «Чертог сиял...»). Подробный и восторженный рассказ об этом вечере был напечатан более чем через два с половиной месяца в «Санкт-Петербургских ведомостях» в статье «Из путевых заметок от Санкт-Петербурга до Иркутска», подписанной инициалами М. Т., который писал:

...на кафедру взошла высокого роста дама с очень красивою, эффектною и замечательно выразительною наружностью, казавшаяся ещё красивее и эффектнее от необыкновенно простого, но с большим вкусом придуманного туалета. Тут не было ни бьющих в глаза своєю яркостью цветов, ни нагромождённых без толку брильянтов, ни вычурной прически, возбуждающей одно удивление к искусству создавшего ее куафёра, – тут было всё не *по-губернски*, просто и хорошо. Костюм взошедшей на кафедру дамы состоял из чёрного бархатного платья, гладких батистовых рукавов и такого же воротничка мужского

⁹ Фамилия эта пишется в разных источниках то Толмачева (М. Т., Вейнберг, жандармские донесения), то Толмачова (Михайлов и авторы, следующие за ним). Нормативным с современной точки зрения является написание Толмачёва. Мы придерживаемся первого написания, считая его упрощенным от последнего, поскольку буква ё в XIX в. в подобных позициях просто не использовалась.

покроя; на голове ее был черный чепчик с длинными полосами из белого газа, усеянного чёрными мушками. Всё это чрезвычайно шло к эффектной и выразительной наружности молодой женщины, и я невольно схватился за афишу, чтобы узнать, кто это такая? Оказалось, что это была Е. Э. Толмачева, долженствовавшая прочитать отрывок из «Египетских ночей» Пушкина. – Ого! подумал я: да она, видно, не одним уменьем одеваться отличается от *губернской* публики! Выбрать для публичного чтения «Египетские ночи» – с' est par trop fort <это слишком сильно, *франц.*>, как выражаются благовоспитанные кавалеры и дамы. Положим, что эти благовоспитанные кавалеры и дамы продельывают в жизни штучки почище штучек всевозможных Клеопатр и их страстных поклонников, но ведь, по известному выражению «*pons sommes bien plus chastes par les oreilles que par le reste du corps*»¹⁰ <мы не более целомудренны ушами, чем остальными частями тела, *франц.*>, и если мы позволяем себе кое-что античное втихомолку, под прикрытием четырёх стен, то зато решительно не выносим никаких скандалёзностей на словах и восхитительно-девственным образом краснеем при всяком мало-мальски нескромном намёке. Нужно немало и силы душевной, и любви к правде, и презрения к *qu'en dira-t-on* <разговорам, *франц.*> своего муравейника, чтоб решиться открыто делать то, чего не переваривает этот муравейник, – по поводу «пушка на рыльце». На это не часто хватает и нашего брата – героя *par excellentia* <по преимуществу, лат.>; а тут вот женщина... Посмотрим, что из этого выйдет?

Е. Э. Толмачева встречена была рукоплесканиями. Когда эти рукоплескания умолкли, она начала читать.

Читала она прекрасно, и если я скажу, что я редко слышал подобное чтение, то ещё очень мало скажу в похвалу таланта г-жи Толмачевой. *Хорошими* чтцами, а тем более хорошими чтцами мы, к сожалению, похвалиться не можем. Иной, пожалуй, и слышён в своём кружке за отличного декламатора, но отлично декламацией, в глазах большинства, почитается или бестолковое завывание с диким вращением глаз, или рубка стихов наподобие рубки дров.

Ничего подобного не было в манере чтения г-жи Толмачевой. Она читала просто и вместе с тем эффектно, с полным пониманием внутреннего смысла стихов, с умением придать надлежащее значение каждой мысли и каждой картине поэта. Большие глаза её то загорались, то меркли и погасали; всё лицо её изменялось беспрестанно, принимая то нежно-страстное, то глужее, то неумолимо-суровое, то горделиво-вызывающее выражение. Стих, следующий за предложением Клеопатры – купить её ночь ценою жизни, – известный стих «и взор презрительный обводит вокруг поклонников своих», прочитан был, действительно, с таким выражением обидного презрения и злой насмешки, молодая женщина таким взором обвела при этом безмолвную толпу, что будь это в театре, – зала, наверное, потряслась бы от аплодисментов.

Аплодисменты по окончании чтения раздались и в зале пермского Благородного собрания. При грохоте их г-жа Толмачева сошла с кафедры и тотчас же была окружена разными, подывшимися со своих мест «господами и барышнями». <...> Одни (по преимуществу молодёжь) безусловно восторгались и выбором пьесы, и чтением её; другие, хотя и говорили г-же Толмачевой комплименты, но комплименты эти были комплименты – и только, т. е. известным образом округлённые фразы, которые, в известных случаях жизни, существо, облачённое во фрак и одарённое усами и бородой, считает священной обязанностью изрекать другому существу, облечённому в широкое платье и лишённому как бороды, так и усов. Третьи, наконец, или величественно безмолвовали, или раздражались по временам краткими, но сильными сентенциями, ясно изобличавшими чувство оскорблён-

¹⁰ Фраза восходит к выражению «*Les femmes sont plus chastes des oreilles que de tout le reste du corps*» (Женщины более целомудренны ушами, чем остальными частями тела), источником которого называют одноактную комедию Мольера в прозе «*La Critique de l'école des femmes*» (Критика «Школы жён», 1663); однако в тексте комедии эта фраза не найдена.

ного достоинства и потревоженной добродетели. К числу последних главным образом принадлежали: существа женского рода и пожилых лет, известные в общезнании под именем «маменек», и существа того же рода, но лет юных, именуемые высоким слогом «невинными девами»...

Далее передан разговор Толмачевой с неким офицером с Георгием в петлице и слова собеседника «о впечатлении, произведённом на публику чтением “Египетских ночей”», в которых он напирал «преимущественно на чувство оскорбленного достоинства и потревоженной добродетели, вызванное этим чтением у некоторых маменек и дочек».

Это немножко странно, – отвечала г-жа Толмачева, – если мы все: и мужчины, и дамы, и девицы, – читаем, не конфузясь, грязные и безнравственные французские романы, смотрим, не краснея, сальные и пошлые французские водевилы, то было бы в высшей степени смешно и дико не прочесть публично прекрасное художественное произведение великого поэта «Египетские ночи» – факт исторический; подражательниц Клеопатре между нами, наверное, не явится, а особенной нескромности в стихах я не вижу. Не кажется ли уж особенно нескромным выражение «Скажите, кто между вами купит ценою жизни ночь мою?» Но ведь если это не говорится, то зато делается на каждом шагу: мы чуть не каждый день видим, как молодые женщины продают себя – и не на одну ночь, а на всю жизнь противным, дряхлым, но богатым старикам... Аскетически-растленное воспитание без знакомства с наукою и жизнью положительно губит наших девушек. Их замкнутость, вечные помочи, на которых их водят, развивают не ум, требующий знания, а воображение, только распалющееся от вечных тайн и догадок. Прелестное стихотворение Майкова «Сон в летнюю ночь», которое вы сегодня прочтёте, хорошо поясняет мою мысль и тоже, вероятно, отнесено будет нашими строгими моралистами к числу сальных. Рашель играла по большей части очень страстных женщин. Все были восхищены её игрою, увлечены ею, но никто не был настолько пошл, чтобы назвать её роли нескромными. Неужели же это одна грустная привилегия актрис, на которых до сих пор ещё смотрят дико, и я не могу взять на себя никакой подобной роли потому лишь, что я – жена статского советника? Какой нелепый взгляд! В Англии, например, молодая девушка взойдёт смело в вертеп разврата, узнает все его грязные и печальные стороны, и от этого ничуть не делается безнравственной. Наоборот: она только узнает жизнь во всех её проявлениях, поймёт её и будет серьёзной женщиной [М. Т., 1861, с. 185–186].

В статье перечисляются все произведения, которые были прочитаны в тот вечер со сцены пермского Благородного собрания, но все они нас не интересуют. Однако в чтениях в числе других лиц принял участие М. П. Тиммерман, прочитавший стихотворения А. Н. Майкова «Аспазия», «Сон в летнюю ночь» и «Капуцин». Получается, что именно он назван в тексте статьи офицером, которому Е. Э. Толмачева произносит свой глубоко продуманный монолог. А под статьёй стоит подпись М. Т.

Всё это наводит на мысль, что автором этой статьи и являлся Михаил Тиммерман, который только приличия ради «скрыл» своё авторство и изобразил себя странствующим чиновником, случайно попавшим в день своего приезда в Пермь на этот вечер. Так же как мы, рассуждали и чиновники жандармского управления, чьё мнение мы ещё приведём, хотя вполне возможно, что они точно знали, опираясь на неизвестные нам факты.

Этот Тиммерман был явно равнодушен к Толмачевой. Его увлечение можно понять, но увлечшийся автор так восторженно описывал изменения лица женщины, которая читала монолог Клеопатры, что оно невольно провоцировало насмешку. Кроме того, этот Тиммерман не очень-то деликатно опубликовал свое восторженное отношение к Толмачевой, что тоже вызвало смешки и насмешки. И эта насмешка появилась. Вейнберг написал фельетон «Русские диковинки», который и называют оскорбительным, бестактным, пошлым. Между тем Вейнберг попросту опирался на текст Тиммермана:

Русская дама, статская советница, явилась перед публикою в виде Клеопатры, произнесла предложение «купить ценою жизни ночь её» и как произнесла! Не могу опять удержаться от восхитительной выписки из письма корреспондента нашей удивительной политической газеты: «Большие глаза её то загорались, то меркли и погасали... (ах!.. как это должно было быть хорошо!) всё лицо её изменялось беспрестанно, принимая то нежно-страстное, то жгучее, то неумолимо-суровое, то горделиво-вызывающее (ого!!) выражение» [*Камень-Виногородов*, 1861, с. 290–291].

Текст Вейнберга, конечно, карикатурен, но текст Тиммермана поистине стоит карикатуры. Вейнберг просто воспользовался неловкостями Тиммермана, и не более того. И точно так же построен весь текст Вейнберга:

Скажите, – спрашивала потом пермская эмансипаторша, – не кажется ли уж особенно нескромным выражением «Кто меж вами купит ценою жизни ночь мою?...» (Помилуйте, г-жа Толмачева, как можно считать такое выражение нескромным, да еще в устах женщины? Это только медведи и варвары могут так думать, а мы с вами люди современные!) – «Но ведь, – продолжала она, – если это не говорится, то зато делается на каждом шагу... (*браво! бис!*) мы чуть не каждый день видим, как молодые женщины продают себя и не на одну ночь, а на всю жизнь противным, дряхлым, но богатым старикам... (Прелесть! прелесть! Я решительно преклоняюсь пред г-жою Толмачевой.) Аскетически-растленное (!) воспитание без знакомства с наукою и жизнью положительно губит наших девушек... (Какой удивительный, нравственный взгляд – знакомить девушек с наукою и жизнью посредством чтения «Египетских ночей». Прелестно! тысячу раз прелестно!)

И долго еще говорила г-жа Толмачева, и долго еще слушал ее молодой офицер с Георгием в петлице, и долго еще внимал ей автор «Путевых заметок», доставивший свои впечатления в просвещенную редакцию «С.-Петербургских ведомостей». И просвещенная редакция «С.-Петербургских ведомостей», сочувствующая всем благим начинаниям и доказавшая это несколько раз на деле, видимо восхитилась пермскою эмансипациею; по крайней мере, она не сделала никакой оговорки к следующим словам своего корреспондента: «Я от всей души желаю, чтобы слова г-жи Толмачевой, подслушанные мною в пермском Благородном собрании, приняты были к надлежащему сведению и в просвещенных столицах. Имея уши слышати, да слышит». Просвещенная редакция «С.-Петербургских ведомостей» так увлеклась своими сочувствием к преобразованиям, что забыла, что надо иметь слишком длинные уши, чтобы услышать (в смысле *воспринять*) такие мудрые речи, произносимые в таком отдалении от Петербурга.

До этого места статейка Вейнберга не выходила за рамки привычной журнальной полемики. Но далее Вейнберг сообщает, что намерен «в честь» «г-жи статской советницы Толмачевой»

...написать гимн, который будет начинаться словами:

О, оратор,

Реформатор

И эмансипатор!

Ваше слово

Смело, ново,

Мадам Толмачева!

И так далее в этом роде. Теперь статьи Стюарта Миля, Михайлова и т.д. оказываются совершенно бесполезными, дело освобождения женщин началось. <...>

Не совсем я понял только – какое отношение имели посетители пермского литературного собрания, слушавшие г-жу Толмачеву, к поклонникам Клеопатры; а отношение, вероятно, было, потому что иначе зачем бы г-же Толмачевой обводить толпу взором «презрения и злой насмешки». Но мне неизвестны пермские тайны, и оттого понятно, что я тут ничего не понял... К вам, мои прекрасным читательницы, обращаюсь я, к вам взываю! – Долой всякая стыдливость, долой женственность, долой светские приличия; – вас приглашает к этому г-жа Толмачева и почтенный панегирист её, возгласивший миру о невероятном событии устами «С.-Петербургских ведомостей». <...>

— О, свобода! Правду сказал Гейне, что каждый человек понимает свободу по своему... Не прочтет ли г-жа Толмачева еще другого стихотворения Пушкина, тоже удивительного в художественном отношении, начинающегося стихом:

«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением?»

Прочтите, прочтите, г-жа Толмачева! При чтении его можно еще лучше принимать *вызывающее* выражение и делать еще более выразительные жесты! – Уж коли эмансипироваться, так до конца! Зачем останавливаться на пол-дороге? [*Камень-Виногоров*, 1861. с. 290–291].

Пока Вейнберг издевался над текстом Тиммермана, всё было в пределах нормы. Но вот Вейнберг стал издеваться над самой Толмачевой, и начались проблемы.

Едва ли Толмачева не знала, что Тиммерман пишет такую статью. Едва ли даже статья была напечатана без ее на то согласия. Одно дело фразировать пермскую публику, и совсем другое – огласить всё это в столичной печати. Дама она была замужняя и понимала, что делала. Так что первым сообщил всем и каждому, как Толмачева читала монолог Клеопатры, был не Вейнберг, а Тиммерман. Но всё, что Тиммерману сошло с рук, досталось на орехи Вейнбергу.

Вообще следует признать, что ситуация Толмачевой была на самом деле редкой. Нам и сейчас довольно трудно вообразить себе, чтобы женщина (впрочем, и мужчина тоже) читала на литературно-музыкальном вечере это стихотворение Пушкина, несмотря на то, что мы далеко ушли от 1860 года. И тем не менее

слова Вейнберга «Долой всякую стыдливость, долой женственность, долой светские приличия; вас приглашает к этому г-жа Толмачева...» – вызывают возражение. Дело не в пресловутой стыдливости и женственности. Даже если мужчины и не наделены этими стыдливостью и женственностью, это не значит, что они постоянно лихо читают перед публикой эти стихи, и мужчину в этой роли мы тоже сейчас не очень-то представляем. Требование вкуса следовало обратить не к женщине, а просто к человеку.

И вот за эту ошибку Вейнберга уцепился М. Л. Михайлов и 3 марта 1861 г. напечатал в «Санкт-Петербургских ведомостях» статью «Безобразный поступок “Века”». Как можно полагать, в статье Камень-Виногорова Михайлова зацепили не только (и не столько) издевательства над Толмачевой, но и (сколько) шпилька в его собственный адрес: «Теперь статьи Стюарта Миля, Михайлова и т. д. оказываются совершенно бесполезными, дело освобождения женщин началось». Защищая Толмачеву, Михайлов защищал самого себя:

Не нужно читать упомянутой корреспонденции, вызвавшей пошлое глумление Камня Виногорова, а достаточно прочесть его толкование цитируемых им мест ее, чтобы видеть всю неслыханность этой выходки.

Слова Камня Виногорова не могут быть ничем оправданы. Никакая необдуманность не извинит их. Они свидетельствуют о совершенном отсутствии в нем всякого нравственного чувства, всякого сознания обязанностей относительно общества, в котором он живет, всякого уважения к человеческому достоинству и в себе самом, и в других. Такой человек не может быть терпим в литературе, и суд общественного мнения должен навсегда заклеить его.

Поступку Камня Виногорова нет названия. При всех темных сторонах нашей литературы и журналистики, в ней до сих пор не встречалось еще ничего, сколько-нибудь подходящего к черной клевете, им сочиненной. Я никак не могу предположить, чтобы этот автор, скрывающийся под псевдонимом, руководился в своих пошлых выходках на г-жу Толмачеву чувством личной вражды и личного мщения. Если б такое чувство, помрачающее здравый смысл в человеке, и могло служить объяснением подобных выходок, то объяснению этого рода нет места в нашем случае [*Михайлов*, 1861, с. 274].

Вообще, конечно, Вейнберг мог и промолчать. Ну, мало ли какой Тиммерман напишет про какую-то Толмачеву. Однако писал же Салтыков о «стрижах», и писал же Достоевский о «седовласой Магдалине», – и никто не отлучал их от литературного сообщества. Вейнбергу досталось.

Позже, в своих воспоминаниях, Вейнберг так объяснял причину, побудившую его взяться за перо:

То была корреспонденция из Перми, где рассказывалось о музыкально-литературном вечере, состоявшемся в Перми 27 ноября 1860 года, и где корреспондент с торжественным пафосом описывал участие в этом вечере жены статского советника г-жи Толмачевой <...>. эта дама выступила на эстраду и прочла перед публикою «Египетские ночи» Пушкина.

Я, пожалуй, не обратил бы внимание на самый факт публичного чтения этих стихов женщиною, если бы ни те подробности, которыми обставил корреспондент свое восторженное описание [*Вейнберг*, 1900, с. 479].

Когда я прочел эту корреспонденцию, она не только насмешила меня, но вместе с тем и возмутила, – возмутила потому, что в начавшемся в эту пору и в Петербурге весьма сильном женском движении при всех истинно прекрасных сторонах и проявлениях его обнаруживалось немало той же комической уродливости, которая нашла себе место (по крайней мере, судя по описанию у пермского корреспондента) в поступке и речах г-жи Толмачевой и которая, подавлением в своих внешних формах всего женственного в лучшем смысле этого слова, вызывала осуждение всех даже очень либеральных, но трезво мыслящих людей. Под влиянием этих ощущений я и написал свой фельетон, написал в том насмешливо-шутливым тоне, которым в ту пору писались вообще юмористические статьи, и от которого теперь, когда я перечел свое произведение, пахнуло на меня довольно почтенною антикварностью... [Вейнберг, 1900, с. 480].

Сложилось даже мнение, что Михайлова поддержала вся демократическая печать. Однако П. Д. Боборыкин возражал против этого мнения:

Я не хочу решать – кто прав, кто не прав в этом вопросе; я постараюсь только восстановить здесь «из запаса памяти» то, как разыгралась, в общих чертах, вся эта история тогда.

Она свелась, в сущности, к обличению со стороны Михайлова и не вызвала никакой громкой коллективной манифестации. Я не помню, чтобы вся тогдашняя либеральная пресса (в журналах и газетах) встала «как один человек» против фельетониста журнала «Век» с его псевдонимом Камень Виногоров (русский перевод имени и фамилии автора) и чтобы его личное положение сделалось тогда невыносимым. Даже «Искра», игравшая в Петербурге как бы роль «Колокола», ограничилась юмористическим стихотворением редактора В. Курочкина, написанным в размере пушкинских «Египетских ночей», которые г-жа Толмачева и читала где-то в Вятке или в Перми.

Помню до сих пор начало этих куплетов:
Чертог сиял, стихи звучали,
И проза мерная лилась,
Все восхищались, все зевали...

И в той же «Искре» явился карикатурный рисунок, где Вейнберга в одежде кающегося грешника ведет на веревке Михайлов [Боборыкин, 1965, с. 191–192].

Ср. также еще одно несколько иное (не критическое) мнение: [Лесков, 1867, с. 197–199].

Боборыкин сообщает даже, что когда Вейнберг в конце жизни выступил с воспоминаниями об этой истории, некоторые современники сочли это совершенно излишним. О перемене мнения Некрасова на статью сообщает и сам Вейнберг:

<...> в разных местах тоже успели забыть тревогу, и даже иные из тех, которые заявляли мне, что с удовольствием прочли мой фельетон, мгновенно переменили фронт. Так, в самый день появления письма Михайлова я встретился с Некрасовым в театре, и он подошел ко мне со словами:

- Как это вы, отец, так неосторожно поступили?
- Николай Алексеевич, да вы мне что же говорили на Невском?
- Да, я не разобрал тогда, – я теперь вижу. Нет, оно действительно... не хорошо вы сделали.

Тревога проникла и в редакцию «Века»; произошел самый сильный переполох [Боборыкин, 1965, с. 482–483].

И сколько можно судить, Боборыкин справедливо трактует Толмачеву как львицу-эмансипе, что совершенно снимает с Вейнберга обвинения в бестактности:

Судьбе угодно было столкнуть меня и с той провинциальной львицей, над которой посмеялся Вейнберг в своем фельетоне и прозой, и припевом:

Как ваше слово
Живо, ново,
Мадам Толмачева!

Я ехал с ней на пароходе по Волге и был заинтересован ее видом, туалетом и манерой держать себя. Эта дама как нельзя больше подходила к той фигуре эмансипированной чтицы, какая явилась в злополучном фельетоне Камня Виногорова, хотя, кажется, П. И. никогда и нигде не видал ее в лицо [Боборыкин, 1965, с. 193].

Как давно уже выяснено, Е. Э. Толмачева с молодости увлекалась теориями Прудона и Мишле и то ли испытывала интерес к вопросам эмансипации, то ли просто была склонна к свободной жизни. О ней сообщают, что с 1847 г. она жила в Оренбурге, где «пользовалась особым вниманием» графа В. А. Перовского, а муж ее в то время занимал должность начальника штаба Башкиро-мещерякского войска. Когда в 1857 г. Перовский умер, В. А. Толмачев перешел на гражданскую службу и вскоре получил место председателя казенной палаты в Калуге, откуда в 1860 г. был переведен в Пермь. Тиммерман, служа в Калуге помощником пристава при Шамиле, «познакомился и сошелся» с Толмачевой. Когда Толмачева перевели в Пермь, Тиммерман тоже приехал в Пермь, где, как сказано в жандармском донесении,

... в ожидании места жил в течение 6-ти месяцев на квартире у Толмачева. По влиянию г-жи Толмачевой муж ее заставил выйти в отставку чиновника по особым поручениям, при нем состоявшего г-на Кочевского (ныне секретарь 7-го округа корпуса жандармов), и на место его определил Тиммермана, но по отъезде жены своей за границу тотчас уволил его, и Тиммерман отправился за границу и, как кажется, в настоящее время находится вместе с г-жой Толмачевой в Лондоне.

Из этого жандармского донесения следует, что в Оренбурге Толмачева «пользовалась особым вниманием» Перовского, а муж ее занимал крупный военный пост (правда, Перовский возвратился на службу в Оренбург только в 1851 г.). И из этого донесения ясно также, что Тиммерман был любовником Толмачевой, а муж, чтобы избежать огласки, прикрывал эту связь. Но после знаменательного литературно-музыкального вечера или сразу после публикации статьи о нем Толмачева уезжает от мужа в Петербург, а во второй половине 1861 г. за границу, куда за ней последовал и Тиммерман. Париж им не понравился, а в Англии они посетили А. И. Герцена, чем и заинтересовали жандармское управление, которое и собрало все эти сведения. В марте 1862 г. Толмачева и Тиммерман вернулись в Россию, где за ними был установлен негласный полицейский надзор. Толмачева 15 июня 1862 г. выехала с дочерью Софьей в Казань к своей матери, а ее муж

возбудил ходатайство о лишении ее прав материнства и о передаче ему дочери. Чуть позднее он подал прошение о расторжении брака с женой. А 9 сентября 1862 г. В. А. Толмачев пишет начальнику штаба корпуса жандармов А. Л. Потапова:

Моя единственная и покорнейшая просьба к вашему превосходительству во время бытности моей в Петербурге, чтобы понудить жену мою к выезду в Казань, где она, находясь под надзором родной своей матери, могла еще образумиться. Неожиданный отъезд из Казани, продолжающаяся переписка с г. Тиммерманом и снова по приезде ее в Петербург сношения с Серно-Соловьевичем и другими неизбежно повлекут ее как потерянную женщину, а меня – как мужа к страшной ответственности перед правительством.

В начале 1863 г. умерла дочь Толмачевых Софья, и это ускорило решение вопроса о разводе. В марте 1863 г. Толмачева, вероятно, переехала в Ростов-на-Дону, куда за ней последовал Тиммерман. На этом следы их теряются (все эти подробности см.: [Козьмин, 1931, с. 148–154; Порох, 1997, с. 754–758]).

История Толмачевой и Тиммермана типична для их времени: точно по той же модели развивались отношения Е. П. Майковой и домашнего учителя ее детей Ф. В. Любимова (1866) [Чемена, 2009], Е. С. Гаршиной и П. В. Завадского (1859). Однако не каждый возлюбленный писал панегирики своим дамам в столичной прессе, которые звучали в духе эмансипе Кукшиной, потому и роман Толмачевой получил столь комическое освещение в литературе. Вейнберг перегнул, конечно, палку, но к этому его подтолкнули как сама Толмачева, которая публично решилась читать «Клеопатру», так и Тиммерман, который восторженно описал этот подвиг. «Каждый человек понимает свободу по-своему». И поэтому не стоит продолжать укорять Вейнберга за «безобразный поступок “Века”»: не столь уже он был и безобразен.

Сотрудники журнала «Русское богатство». Санкт-Петербург. 1903. Государственный музей истории русской литературы им. В. И. Даля (Москва)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боборыкин, П. Д. Воспоминания: в 2 т. Т. 1: За полвека / П. Д. Боборыкин. – Москва: Художественная литература, 1965. – 567 с.

Вейнберг, П. И. Безобразный поступок «Века» (Из моих литературных воспоминаний) / **П. И. Вейнберг** // Исторический вестник. – 1900. – № 5. – С. 472–489.

Вейнберг, Петр. Н. К. Михайловскому / П. И. Вейнберг // На славном посту (1860–1900): Литературный сборник, посвященный Н. К. Михайловскому. – Санкт-Петербург: Тип. Н. Клобукова, 1900. – 516 с.

Вейнберг, Петр. Стихотворения. С добавлением юмористических стихотворений Гейне из Тамбова / П. И. Вейнберг. – Санкт-Петербург: Типо-лит. Б. И. Вольфа, 1902. – 276 с.

Камень-Виногоров. Русские диковинки. Донесения в редакцию «Века» о разных предметах, вызывающих на странные размышления / Камень-Виноградов // Век. – 1861. – № 8. – С. 289–292.

Козьмин, Б. К истории эмиграции 1860-х годов / Б. Козьмин // Красный архив. – 1931. – № 6. – С. 148–154.

Короленко, Владимир. Дневник: в 4 т. / **В. Г. Короленко.** – [Харьков], Гос. изд. Украины, 1928. Т. 4. – 352 с. Полное собрание сочинений. Посмертное издание.

Литературное наследство. Т. 88: А. Н. Островский: Новые материалы и исследования. – Москва: Наука, 1974. – Кн. 1. – 638 с.

Литературное наследство. Т. 103: А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. – Москва: ИМЛИ РАН, 2008. – Кн. 1. – 990 с.

Литературное наследство. Т. 107: Журнал «Русское богатство» Н. К. Михайловского. Из переписки членов редакции, авторов и современников. 1890–1903: в 2 кн. – Москва: ИМЛИ РАН, 2022. Кн. 2: 1900–1903 (в печати).

[**Лесков, Н. С.**] Специалисты по женской части / Н. С. Лесков // Литературная библиотека. – 1867. Т. IX, кн. 2, № 18. – С. 197–199.

М. Т. Из Путевых заметок от Санкт-Петербурга до Иркутска / М. В. Тиммерман // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861. – № 36, 14 февраля. – С. 1–2.

Михайлов, Мих. Безобразный поступок «Века» / М. Л. Михайлов // Санкт-Петербургские ведомости. – 1861. – № 51. – 3 марта. – С. 274.

Ненарушаемая связь. К истории романа И. А. Гончарова «Обрыв». Воспоминания о Е. П. Майковой. Письма / Сост., подгот. текстов, примеч. и коммент. Т. В. Соколовой. – Москва: Совпадение, 2009. – 256 с.

Порох, И. В. У Герцена и Огарева / И. В. Порох // Литературное наследство. Т. 99: Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. – Москва: Наука, 1997. – Кн. 2. – С. 752–758.

П. Я. П. И. Вейнберг (1851–1901) / П. Ф. Якубович // Русское богатство. – 1901. – № 12. – С. 241–245.

Решетников, Ф.М. Дневник / Предисловие и примечания И. Векслера // Литературное наследство. Т. 3. – Москва: Жур.-газ. объединение, 1932. – С. 167–196.

Строганов, М. В. А. И. Куприн и «Русское богатство». Между «Молохом» и «Ямой» / М. В. Строганов // Всероссийская научно-практическая конференция «Жизнь и творчество А. И. Куприна. История и современный аспект»: Материалы конференции. – Москва: МСК, 2020. – С. 62–103.

Указатель статей, помещенных в журнале «Русское богатство» с 1893 по 1911 г. – Санкт-Петербург: Тип. Первой СПб. Трудовой артели, 1911. – 176 с.

Чемена, О.М. Создание двух романов: Гончаров и шестидесятница Е. П. Майкова. – Москва: Наука, 1966. – 160 с.

Эйхенбаум, Б. Мелодика русского лирического стиха / Б. М. Эйхенбаум. – Петербург: ОПОЯЗ, 1922. – 200 с.

Якубович, П. Петр Исаевич Вейнберг (некролог) / П. Ф. Якубович // Русское богатство. – 1908. – № 7. – С. 204–207.

REFERENCES

Boborykin, P. D. Vospominanija: v 2 t. Vol. 1: Za polveka / P. D. Boborykin. – Moskva: Khudozhestvennaja literatura, 1965. – 567 s.

Chemena, O. M. Sozdanie dvuh romanov: Goncharov i shestidesjatnica E. P. Majkova / O. M. Chemena. – Moskva: Nauka, 1966. – 160 s.

Ejhenbaum, B. Melodika russkogo liricheskogo stiha / B. Ejhenbaum. – Peterburg: OPOJaZ, 1922. – 200 s.

Jakubovich, P. P'otr Isaevich Vejnberg (nekrolog) / P. Jakubovich // Russkoe bogatstvo. – 1908. – № 7. – S. 204–207.

Kamen'-Vinogorov. Russkie dikovinki. Donesenija v redakciju «Veka» o raznyh predmetah, vzyvajushhih na strannye razmyshlenija / Kamen'-Vinogorov // Vek. – 1861. – № 8. – S. 289–292.

Koz'min, B. K istorii jemigracii 1860-h godov / B. Koz'min // Krasnyj arhiv. – 1931. – № 6. – S. 148–154.

Korolenko, Vladimir. Dnevnik: [v 4 t.] / Vladimir Korolenko. – [Har'kov], Gos. Izd-vo Ukrainy, 1928. Т. 4. – 352 s. Polnoe sobranie sochinenij. – Posmertnoe izdanie.

[**Leskov, N. S.**] Specialisty po zhenskoj chasti / N. S. Leskov // Literaturnaja biblioteka. – 1867. Т. IX. Kn. 2. – № 18. – S. 197–199.

Literaturnoe nasledstvo. Vol. 88: A. N. Ostrovskij: Novye materialy i issledovanija. – Moskva: Nauka, 1974. – Kn. 1. – 638 s.

Literaturnoe nasledstvo. Vol. 103: A. A. Fet i ego literaturnoe okruzenie: v 2 kn. – Moskva: IMLI RAN, 2008. – Kn. 1. – 990 s.

Literaturnoe nasledstvo. Vol. 107: Zhurnal «Russkoe bogatstvo» N. K. Mihajlovskogo. Iz perepiski chlenov redakcii, avtorov i sovremennikov. 1890–1903: v 2 kn. – Moskva: IMLI RAN, 2022. Kn. 2: 1900–1903 (v pečati).

M. T. Iz Putevyh zametok ot Sankt-Peterburga do Irkutska // Sankt-Peterburgskie vedomosti. – 1861. – № 36, 14 fevral'a. – S. 1–2.

Mihajlov, Mih. Bezobraznyj postupok «Veka» / Mih. Mihajlov // Sankt-Peterburgskie vedomosti. – 1861. – № 51, 3 marta. – S. 274.

Nenarushaemaja svjaz'. K istorii romana I.A. Goncharova «Obryv». Vospominanija o E. P. Majkovoju. Pis'ma / Sost., podgot. tekstov, primech. i komment. T. V. Sokolovoj. – Moskva: Sovpadenie, 2009. – 256 s.

Poroh, I.V. U Gercena i Ogareva / I. V. Poroh // Literaturnoe nasledstvo. Vol. 99: Gercen i Ogarev v krugu rodnym i družej. Moskva: Nauka, 1997. – Kn. 2. – S. 752–758.

P. Ja. P.I. Vejnberg (1851 1901) // Russkoe bogatstvo. – 1901. – № 12. – S. 241–245.

Reshetnikov, F.M. Dnevnik / Predislovie i primechanija I. Vekslera // Literaturnoe nasledstvo. T. 3. – Moskva: Zhur.-gaz. ob'edinenie, 1932. – S. 167–196.

Stroganov, M. V. A.I. Kuprin i «Russkoe bogatstvo». Mezhdju «Molohom» i «Jamoj» / M.V. Stroganov // Vserossijskaja nauchno-praktičeskaja konferencija «Zhizn' i tvorčestvo A.I. Kuprina. Istorija i sovremennyj aspekt»: Materialy konferencii. – Moskva: MSK, 2020. – S. 62–103.

Ukazatel' statej, pomeshennyh v zhurnale «Russkoe bogatstvo» s 1893 po 1911 g. – Sankt-Peterburg: Tip. Pervoj SPb. Trudovoj arteli, 1911. – 176 s.

Vejnberg, P.I. Bezobraznyj postupok «Veka» (Iz moih literaturnyh vospominanij) / P.I. Vejnberg // Istoricheskij vestnik. – 1900. – № 5. – S. 472–489.

Vejnberg, Petr. N.K. Mihajlovskomu / Petr. Vejnberg // Na slavnomo postu (1860–1900): Literaturnyj sbornik, posvjashhennyj N.K. Mihajlovskomu. – Sankt-Peterburg: Tip. N. Klobukova. – 1900. – 516 s.

Vejnberg, Petr. Stihotvorenija. S dobavleniem jumoristicheskikh stihotvorenij Gejne iz Tambova / Petr. Vejnberg. – Sankt-Peterburg: Tipo-lit. B. I. Vol'fa. – 1902. – 276 s.